

Шимукович С. Ф.

ГУО «Республиканский институт высшей школы», Минск, Беларусь

Shymukovich S.

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

УДК 94(47+476)«18–19»

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XIX ВЕКЕ

REGIONAL PROJECTS IN THE EDUCATION IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE XIX CENTURY

Изменения в системе образования на белорусских землях на протяжении XIX в. были обусловлены противоречиями между целями местных элит и центрального правительства. Система образования выполняла важные функции социализации и трансляции идей молодому поколению, воспроизводства элит. В этой связи контроль со стороны правительства системы образования является важным фактором формирования лояльного отношения к империи и ее институтам. В статье рассматриваются некоторые проекты в сфере образования, направленные на установление контроля за системой образования, анализируются условия их реализации. Дается оценка эффективности и результативности реализации образовательных проектов на протяжении XIX в.

Ключевые слова: XIX век; Российская империя; белорусский национальный проект; идентичность; образовательная инфраструктура; Виленский университет; Виленский учебный округ; Белорусский учебный округ; профессор; О. Сенковский; Белорусский лицей; Горецкий земледельческий институт.

Changes in the education system on Belarusian lands during the 19th century were due to contradictions between the goals of local elites and the central government. The education system performed important functions of socialization and transmission of ideas to the younger generation, reproduction of elites. In this regard, government control of the education system is an important factor in the formation of loyalty to the empire and its institutions. The article discusses some projects in the field of education aimed at establishing control over the education system, analyzes the conditions for their implementation. The article assesses the effectiveness and efficiency of educational projects during the XIX century.

Keywords: XIX century; Russian Empire; Belarusian national project; identity; educational infrastructure; Vilna University; Vilna educational district; Belarusian educational district; O. Senkovsky; Belarusian Lyceum; Gorki Agricultural Institute.

Рассматривая процесс развития белорусского национального проекта на фоне взаимодействия с иными региональными проектами

в XIX – начале XX в., необходимо достаточно ясно представлять несколько концептуально важных моментов, связанных как с однозначным пониманием используемой терминологии, так и сутью происшедших процессов с учетом временной специфики этого достаточно длительного временного промежутка.

Прежде всего необходимо понимать, что о национальных проектах как деятельности, направленной на конструирование нации современного типа на западных окраинах Российской империи, возможно говорить только в отношении второй половины и даже, скорее, последней трети XIX в. Первую половину столетия можно рассматривать в большей степени как подготовительный этап, в рамках которого шел поиск путей регионального развития, когда четкого представления в данном регионе о сущности наций этнокультурного типа еще не сложилось, доминировали преимущественно домодерные идентичности, опиравшиеся на исторические формы и традиции существовавшей здесь государственности раннего Нового времени и Средних веков [1, с. 171–174].

Так, литвинская идентичность в первую очередь апеллировала к историческому и политическому наследию Великого Княжества Литовского, польская идентичность не являлась национальной в современном понимании принадлежности ее носителей к этнической польской нации, а более опиралась на разделение ценностей политического наследия Речи Посполитой как «государства двух народов». Русская идентичность апеллировала к мифологизированному историческому наследию Киевской Руси и опиралась на политическую структуру Российской империи.

В первой половине XIX в. не представляется возможным говорить о какой-либо белорусской идентичности иначе, как о субрегиональной идентичности. Так, белорусскими считались Могилевская и частично Витебская губернии, иногда данное понятие расширялось на части Минской и Смоленской губерний, о чем можно судить по использованию термина «белорусский» в названиях административно-территориальных единиц, в том числе генерал-губернаторств, учебных округов и самих губерний. В то время понятие «белорусский» имело преимущественно географический, этнографический и исторический характер, но не имело национального содержания. Совсем иная ситуация складывается к концу XIX в., когда понятие «белорусский» получает этнонациональное наполнение (хотя еще не всеми элитами и широкими массами обывателей разделяемое), что и было результатом

определенной проектной деятельности заинтересованных групп региональных элит.

В теории управления проект представляет собой совокупность ряда параметров, среди которых необходимо указать на основные: задание понятной и достижимой цели, отграниченной от других намерений; опора на временные, финансовые, человеческие и другие ресурсы; наличие специфической организации по его осуществлению.

Анализируя любой проект в истории наций, государств, регионов и т. д. как реализацию активности определенной группы элит, необходимо учитывать свойственные им характеристики, среди которых следует обозначить такие, как ограниченность во времени, т. е. любой проект должен иметь достаточно четкие временные рамки, которые ограничиваются не столько точной временной константой, сколько моментом достижения определенного результата [3, с. 31–38]. В случае реализации белорусского национального проекта таковым результатом нужно считать формирование белорусской нации. По мнению Э. Хобсбаума, нацией являются те социальные общности, в которых подавляющая часть индивидуумов идентифицирует себя соответствующим однозначным образом [2, с. 11–13, 17]. То есть о формировании белорусской нации можно говорить тогда, когда критически значимая часть жителей региона станут носителями белорусской идентичности, как минимум будут называть себя белорусами, а не «тутейшими», «литвинами», «поляками», «русинами» и т. д., т. е. иные региональные идентичности перестанут претендовать на выполнение объединяющей все общество функции.

Таким образом, любой проект (социальный, экономический, политический, культурный и т. д.) предназначен для получения некоего уникального результата, отличающегося индивидуальностью и неповторимостью. Все это развивается во времени, проходит через определенные этапы, но при этом сохраняется соответствие заявленным изначально цели и задачам [3, с. 19–26].

Каждый проект имеет определенную ограниченность в возможностях исполнения, что выражается в зависимости от субъективного человеческого фактора, поскольку проект выполняется конкретными людьми, подверженными влиянию, страстям, обладающих изменчивой натурой, и т. д. Более того, каждый проект в большей либо меньшей степени ограничен ресурсами, что сильно влияет на процесс его изначального планирования, а при поэтапном его выполнении

могут вноситься серьезные корректировки в ход его реализации и управления.

Так, белорусский национальный проект испытывал недостаток в материальных ресурсах, поскольку реализовывался выходцами из небогатой мелкой шляхты и разночинцев [1, с. 172]. Серьезным препятствием на пути реализации проекта был также дефицит человеческих ресурсов – активных, образованных пассионариев, готовых к определенным жертвам. В мемуарах одной из белорусских активисток Ульяны Витан-Дубейковской отмечается, что привлечение к политической деятельности в рамках белорусского проекта Бронислава Тарашкевича было бы нежелательным в силу его большого научного потенциала, он был бы более полезен белорусскому делу как ученый-лингвист. Однако она же отмечает, что Б. Тарашкевич «политикой испортил себе жизнь и белорусское культурное дело понесло большую потерю» [4, с. 118]. Политическую активность Б. Тарашкевича достаточно логично можно объяснить тем, что в продвижении белорусского политического проекта принимало участие не так много ярких и талантливых деятелей по сравнению с польским проектом и даже западнорусским проектом в отношении белорусских земель.

В этой связи выполнение проектов находится в генетической зависимости от среды, в которой они реализуются. В разных средовых окружениях похожие проекты могут реализовываться с совершенно разной динамикой, результативностью и эффективностью. Этим можно объяснить тот факт, что в обозначенный нами временной промежуток в Европе были реализованы десятки проектов конструирования современных наций этнокультурного типа и под них созданы соответствующие формы политического устройства (государство). Но все эти проекты в большей либо меньшей степени отличаются один от одного, хотя и показывают схожесть в отдельных своих чертах или тенденциях развития на определенных этапах реализации.

Влияние среды на реализацию любого проекта выражается в воздействии на него социально-культурного окружения, что проявляется в нравах и обычаях местности, сформировавшихся традициях разных социальных групп, а также конфессиональными и моральными ограничениями и т. д. Однозначно видимое и легко выявляемое влияние на проекты оказывают развивающаяся политическая ситуация на конкретной территории, факторы международных отношений, экономическое влияние разных внешних сил, ресурсоемкость местности [3, с. 27–

30]. Все эти аспекты полностью вписываются в парадигму реализации конкретного национального проекта, который можно рассматривать как «большой» проект, в составе которого реализуется большое количество «малых» проектов, зачастую имеющих ярко выраженный территориальный или отраслевой характер.

На белорусских землях в XIX – начале XX в. вычленяется большое количество активностей, которые можно классифицировать как «малые» проекты, реализуемые в разных сферах. При этом есть смысл обозначить определенную зависимость в направлениях реализации данных проектов и времени их реализации, а также основных исполнителей, под которыми мы понимаем конкретные группы локальных элит.

Политические проекты на протяжении XIX – начала XX в. реализовывались для решения определенных политических целей, среди которых доминировала цель создания (включения в создающуюся) формы государственности на белорусских землях, чаще всего альтернативной имперской российской форме правления. Экономические проекты инициировались как локальными, так и имперскими элитами и предполагали, соответственно, содействие более динамичному развитию экономики региона либо более активное включение белорусского региона в общеимперский экономический механизм. Так, именно имперские проекты в большей степени касались развития инфраструктуры, прежде всего путей сообщения (сначала шоссейных дорог, водных путей сообщения, во второй половине столетия – железных дорог, соединивших все части империи в единый организм).

Местные проекты в сфере экономики больше всего касались утилитарных целей развития сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности и т. д. В качестве организационной структуры данных проектов можно рассматривать региональные экономические сообщества, среди которых следует отметить Белорусское вольное экономическое общество, созданное в 1826 г. помещиками Витебской и Могилевской губерний. Данное общество использовало в названии слово «белорусское» исключительно в географическом и административном смысле, так как национального наполнения этот термин еще не получил.

Деятельность Минского общества сельского хозяйства пришлось на конец XIX – начало XX в. и более глубоко изучено в силу широкого спектра источников, а также благодаря опубликованным воспоминаниям его руководителя Эдварда Войниловича [5]. В конце XIX – начале

XX в. Э. Войнилович стал неофициальным лидером коренных, прежде всего католических и польскоязычных, дворян литовско-белорусских губерний, а лидеры и члены Минского общества сельского хозяйства активно участвовали в разработке и реализации идей «краёвости». Данное общество эффективно выполняло свою прямую функцию – распространение передовых технологий и знаний в аграрном производстве, при этом оно являлось легальным прикрытием для проектирования политической деятельности в рамках «польской» концепции развития края. Крупные помещики, носители польской «краёвой» идентичности, могли предоставить почти неограниченные материальные ресурсы на реализацию потенциально интересных им проектов. В то же время сдерживающими факторами являлись боязнь имперской репрессивной машины, неоднократно показывавшей свою эффективность ранее, и отсутствие альтруистических побуждений у подавляющего большинства помещиков, занимавших обывательскую позицию пассивных наблюдателей [6, с. 107–108].

Социальные и культурные проекты, прежде всего в сфере профессиональной политики и образования в белорусском регионе, предполагали реализацию зачастую прямо противоположных целей: как укрепление традиций, оставшихся от речьсполитовского периода с постепенным использованием потенциала данной традиции для формирования и закрепления идентичности, характерной для польской современной нации, так и формирование новой традиции, соответствовавшей формированию лояльной и, более того, патриотической позиции в отношении российской государственности. Стоит отметить, что анализ проектов в сфере образования является наиболее интересным, поскольку именно образование рассматривалось локальными элитами и имперскими силами как эффективный и действенный механизм трансляции ценностей, что соответствует современному пониманию социализации и инкультурации местного населения, формирования одобряемых линий и норм поведения.

Культурные проекты, в первую очередь в сфере образования, являются наиболее важными в деле формирования и продвижения новых идентичностей. На основе их результативности строится успешность экономических и политических проектов. О. Сенковский отмечал в 1827 г. по итогам ревизии училищ белорусских губерний, что бедность есть результат невежества, т. е. отсутствия должного образования [7, л. 236]. Любые политические проекты являются успешными, если на-

ходят поддержку в широких массах обывателей, а это возможно в том случае, если в массах широко распространились и закрепились определенные ценности, трансляция которых осуществляется в первую очередь посредством системы образования.

Проекты в области образования в XIX – начале XX в. на белорусских землях предлагались локальными и имперскими элитами и реализовывались ими на протяжении всего рассматриваемого нами периода. В качестве таковых проектов можно рассматривать основание отдельных учреждений образования, создание образовательных структур, в том числе неофициальных и незаконных, проведение реформ, в принципе изменяющих условия функционирования системы образования в регионе.

Первым значительным проектом в сфере образования можно рассматривать создание Виленского университета со всем комплексом завязанных на него учреждений. Университет был основан на базе Главной Литовской школы (ранее – Виленская иезуитская академия, существовавшая с XVI в.) в рамках общеимперской реформы системы образования. Однако Виленский университет и учебный округ почти сразу были взяты под контроль региональными элитами благодаря стараниям князя Адама Чарторыйского, имевшего значительное влияние на императора Александра I, которое он использовал для реализации своей программы расширения польскоориентированного образования на присоединенных к России землях бывшей Речи Посполитой [8, с. 1–XXV]. Конечная цель А. Чарторыйского – сформировать, воспитать, подготовить критическую массу людей, готовых не только к восстановлению Речи Посполитой, но и способных активно участвовать в данных процессах. В этой оценке оказались едины такие историки, как А. Погодин, автор пространного очерка о деятельности университета, и В. Пичета [8; 9].

В итоге университет и почти вся инфраструктура образования на белорусских землях в первой трети XIX в. находились под контролем местных элит, которые были полны воспоминаниями о потерянной государственности Речи Посполитой и рассчитывали на скорое ее восстановление мирным либо силовым способом. В массе своей региональные элиты были носителями нескольких идентичностей, отличавшихся уровнем локализации.

Так, польская идентичность имела наднациональный или имперский характер, т. е. идентификация шла по принадлежности к истори-

ческой форме государственности – Речи Посполитой, которая в обиходе упрощенно называлась также Польшей. Однако характер этой государственности региональными элитами все равно понимался как многонациональный, так как часто использовалось дополнение «государство двух народов», среди которых вторым считалась историческая Литва.

Литовская или литвинская (для исключения путаницы с национальной литовской идентичностью, сформировавшейся к концу XIX в., лучше использовать второй вариант названия) идентичность имела уже более локальный характер, при этом она никоим образом не вступала в конфликт с идентичностью наднациональной польской. Литвинская идентичность апеллировала к историческому наследию ВКЛ и была характерна уроженцам литовской части Речи Посполитой. Как правило, данный дуализм выражался в отнесении себя к польской нации при литвинском (белорусском, русинском) происхождении [10, с. 85]. Для понимания соотношения данных идентичностей вполне уместна аналогия из нашего времени: гражданско-политическая идентичность «россиянин» имеет наднациональный характер и не вступает в конфликт с национальными идентичностями «татарин», «якут», «русский», «чуваш» и т. д. Аналогично чуть раньше наднациональная идентичность «советский человек» существовала параллельно с национальными идентичностями «белорус», «украинец», «литовец», «грузин», «узбек» и т. д. в Советском Союзе. При этом в глазах иностранных обывателей зачастую все жители СССР, без различия их национальной принадлежности, были «русскими», так как жили в «Советской России». В этой связи польская идентичность части элит белорусского региона должна пониматься с учетом сложностей самоидентификации в условиях многочисленных политических потрясений «долгого XIX века», а упрощенные однозначные трактовки в отношении «польскости» шляхты на белорусских землях препятствуют рациональному подходу к анализу сути многих процессов, сопровождавших продвижение белорусского национального проекта.

Таким образом, контроль над образовательным процессом на белорусских землях в первой трети XIX в. реально находился в руках местных региональных элит, представители имперского правительства могли лишь констатировать неудовлетворительность такого положения с точки зрения целей и задач по унификации присоединенного региона. В столице империи разрабатывали и предпринимали действия, скорее являющиеся полумерами, например, ликвидация иезуитских учрежде-

ний образования (их передали другим католическим орденам), изъятие учреждений образования Витебской и Могилевской губерний из Виленского и передача их Петербургскому учебному округу (без реформирования самой системы учреждений), смена куратора Виленского учебного округа (замена А. Чарторыйского на Н. Новосильцева, который занялся не реформированием системы, а жесткими кадровыми чистками, часто необоснованными), ревизия преподавательских и административных кадров университета и иных учреждений образования, перевод обучения на русский язык (при недостатке преподавательских кадров, знавших русский язык) и т. д. Но даже эти мероприятия не были доведены до логического завершения и только еще больше запутали и ухудшили ситуацию в системе образования региона.

Так, параллельно учреждениям образования, созданным еще в предшествующий «польский» период Речи Посполитой, в первой трети XIX в. в белорусском регионе были открыты гимназии и училища по российскому образцу, что привело к невероятной запутанности системы. Визитатор (ревизор) учреждений образования белорусских губерний, профессор Петербургского университета (одновременно уроженец белорусского региона и выпускник Виленского университета) Осип Сенковский в своем пространном отчете по итогам ревизии учреждений образования Витебской и Могилевской губерний охарактеризовал ситуацию как «настоящий хаос» [7, л. 233]. Отчет о визитации белорусских училищ 1826 г. содержал подробный анализ системы образования не только в Витебской и Могилевской губерниях, но и затрагивал моменты, связанные с учреждениями образования Виленского округа. Также визитатор разработал план реорганизации системы образования региона с учетом исторических и социальных особенностей, имевшихся в данных губерниях, равно как и потребностей центрального правительства в деле унификации данного региона в имперский организм. О. Сенковский выдвинул идею организации Белорусского лицея (в Витебске), на который бы опиралась вся стройная система средних и начальных учреждений образования в двух белорусских губерниях, входивших в Петербургский учебный округ и подчинявшихся Петербургскому университету [7, л. 249–272]. Необходимо отметить, что слово «белорусский» в названии лицея не имело национального наполнения, оно носило географический характер и определяло отношение лицея именно к белорусским губерниям, которыми в первой половине столетия считались Витебская и Могилевская.

По мнению О. Сенковского, обучение в Белорусском лицее давало бы представителям местного «среднего сословия» (из многочисленной, но небогатой шляхты) высшее образование на первой ступени и позволяло им поступать на государственную военную или гражданскую службу. При желании и финансовых возможностях семьи можно было закончить полное высшее образование в Петербургском университете. С одной стороны, это должно было сформировать более лояльное отношение к империи со стороны местной шляхты, так как она активно вовлекалась в общеимперские структуры. С другой стороны, О. Сенковский предлагал незамедлительно изъять учебные заведения из ведения католических орденов, прямо указывая на антироссийский характер образовательного процесса в них. Особенно негативные отзывы по итогам визитации профессора получило Высшее училище пиаров в Полоцке (фактически оно имело статус лицея), вплоть до предложения его наискорейшего закрытия.

Реально начальное и среднее образование полностью было взято под контроль правительства только в 1864 г. в результате жестких и крайне непопулярных в обществе действий нового виленского генерал-губернатора М. Муравьева и его помощника в этом деле попечителя округа И. Корнилова. Как отмечали современники, «учебная часть обращала на себя особое внимание начальника края», благодаря чему удалось «немедленно исторгнуть народное образование из рук ксендзов и вообще поляков» [11, с. 313–314]. Таким образом, от предложений О. Сенковского об изъятии учреждений образования из ведения католического духовенства до принятия окончательных в этом направлении действий прошло чуть менее 40 лет.

Среди актуальных на то время идей О. Сенковского – введение максимально практико-ориентированного обучения в начальных и средних учебных заведениях, особенно предназначенных для «простых» сословий. Основной причиной бедности в регионе он считал невежество, но и образование ради получения «полузнаний» (такowymi, по его мнению, были гуманитарные предметы) тоже не считал выходом из положения. Обучение для обывателей, на взгляд О. Сенковского, необходимо было наполнять предметами, дающими практические навыки в земледелии, ремеслах, промышленности, торговле и т. д. [7, л. 235–236]. Его предложения нашли самую горячую поддержку белорусского генерал-губернатора Н. Хованского, однако реализованы они не были почти ни в одном из обозначенных пунктов.

Идея Белорусского лицея вновь возникла в начале 1830-х гг. с ликвидацией Виленского университета, однако не была реализована в первую очередь по причине материальных затруднений правительства. Свою роль, на наш взгляд, также сыграли политические обстоятельства, хотя они и не являлись определяющими [12]. Центральное правительство приняло решение открыть университет в Киеве, все ресурсы были направлены на реализацию этого образовательного проекта [17, с. 109]. Открытие лицея в Орше могло состояться только при условии полной финансовой поддержки со стороны местных элит (как это было в других регионах империи). Однако наиболее состоятельные представители элит западных губерний руководствовались противоположными целями и не готовы были финансировать идеологически чуждый им правительственный образовательный проект.

Борьба за контроль над системой образования в 1820-х гг. привела к смене руководства университета и округа в 1824 г. и установлению жесткого контроля над образовательным процессом со стороны правительства. Эти действия сопровождались чисткой преподавательских кадров. От преподавательской деятельности были отстранены многие профессора, среди них было большинство тех, кто родился на белорусских землях и, что более актуально, занимавшихся региональной проблематикой, в частности, активными изысканиями в области истории региона, археографии, истории местного права и т. д. Данные исследователи стояли у истоков формирования регионоведения (в современном понимании – белорусоведения). Деятельность виленских профессоров вызывала неподдельный интерес среди студентов, в массе своей также уроженцев региона, что выразилось в формулировании просветительских функций созданных в университете и учебном округе студенческих обществ (филоматы, филареты, променистые и т. д.). М. Бобровский, И. Данилович, И. Ярошевич, И. Онацевич и другие создали в рамках считавшегося «польским» университета традицию регионалистики, что со временем должно было стать прочной основой для научного обоснования национального регионального проекта, какое бы название он не получил (сегодня мы знаем его как белорусский проект). Схожую ситуацию наблюдал чешский исследователь Й. Коржалка, когда указывал на значительное влияние немецкого по своей сути Карлового университета в Праге в трансформации домодерной богемской идентичности в чешский национальный проект и его последовательное продвижение в XIX в. [13, с. 99].

Традиция развития региональных исследований на белорусских землях фактически была прервана с ликвидацией университета в 1832 г. Необходимо отметить, что роль университета как базы региональных исследований, особенно исторических в контексте создания региональной (позднее – национальной) концепции исторического развития, места сосредоточения интеллектуальных сил региона, инструмента воспроизводства региональных элит неоспорима, на что указывают в своих исследованиях Р. Линднер и В. Терешкович [14; 15].

Идея восстановить университет в регионе возникала неоднократно как в среде местных элит – здесь необходимо отметить записку предводителя дворянства Минской губернии А. Лаппо, поданную в 1862 г. накануне восстания [16, с. 70–74], а также в кругах имперского руководства – здесь можно отметить мнение министра народного просвещения Д. Толстого после знакомства с состоянием образования в регионе в 1872 г. Министр отмечал необходимость открытия университета в регионе, в частности, предлагал в качестве базы помещения кадетского корпуса в Полоцке [9, с. 217], хотя необходимо отметить, что министр Д. Толстой не относился к числу либералов, был сторонником усиления воспитательной составляющей и православия в образовании и университет в белорусском регионе им виделся как инструмент усиления пратительственного влияния.

На записку А. Лаппо от виленского генерал-губернатора В. Назимова в Министерство народного просвещения поступило пространное отношение, в котором четко видна позиция официальных властей. Так, начальник края отмечает, что «...не подлежит никакому сомнению, что учреждение университета в Литовском крае необходимо для того, чтобы дать возможности и средства молодым людям усовершенствовать себя в высших науках, тем более потому, что с каждым годом, при быстром развитии всех элементов народной жизни, чувствуется потребность в действиях на поприще общественного прогрессивного стремления. Но университет этот должен быть охранен от враждебного начала, засеянного в этом крае польскою пропагандою...» [16, с. 108–109]. В целом региональные власти поддержали предложения минского предводителя дворянства А. Лаппо об открытии новых учебных заведений, в том числе университета, реальных и агрономических училищ, но резко негативно высказались о возвращении польского языка в систему регионального образования, а также о передаче начального образования в ведение местного дворянства, отмечая, что «...польское дворянство

никогда не заботилось о воспитании народа, а теперь заявляет желание принять на себя эту обязанность единственно из политической цели, для привлечения к себе простого народа...» [16, с. 111].

Таким образом, вопрос о «целенаправленной» деятельности правительства по недопущению образования высших учебных заведений в белорусском регионе с целью блокировать развитие интеллектуального потенциала местных элит достаточно сильно мифологизирован и нуждается в прояснении. Учреждение высших учебных заведений в империи осуществлялось исходя из рациональных потребностей и возможностей правительства. Если существовала острая потребность в учреждении, то возможности финансирования изыскивало правительство. Так, университет в Киеве – это чисто имперский проект, финансирование которого осуществлялось за счет средств закрытых Виленского университета и Волынского лицея. При этом Киев был выбран по вполне рациональным критериям: город большой, преимущественно «русский», хотя и находится в «польском» западном крае, что давало надежду на осуществление более плотного идеологического контроля в университете и участия в финансировании его деятельности русской части местных элит; город имел неплохую логистику с сообщением по Днепру (до строительства железных дорог) и шоссейным дорогам, расположен в зоне с достаточно мягким климатом и т. д.

Изначально Киевский университет рассматривался как вуз для всего Западного края, в том числе и белорусских губерний [17, с. 109]. Ожидания правительства частично оправдались, что показала история самого университета. Стоит отметить, что на украинских землях в имперский период было открыто три(!) университета (кроме Киева – в Харькове и Одессе), что не укладывается в логику историков, указывающих на препятствование правительства открытию университетов в национальных окраинах империи для недопущения их интеллектуального развития. Университеты в Харькове (один из первых в империи) и Одессе были открыты по инициативе и при самом активном участии местных элит, что выразилось в финансировании ими значительной части издержек как на стадии основания, так и в процессе дальнейшей деятельности учебных заведений. В белорусском регионе желание местных элит учредить университет либо иное высшее учебное заведение не сопровождалось реальными действиями по участию в его материальном обеспечении. Вероятно, местные элиты не считали возможным участвовать в финансировании правительственного образовательного

проекта, который был предназначен для размывания их «польской» идентичности. Представители «непольских» элит здесь были не столь состоятельны и многочисленны, особенно в сравнении с украинскими землями, где православное дворянство (бывшие казацкие старшины) было многочисленно и финансово состоятельно.

Ликвидация Виленского университета и затем его «осколков» – Медико-хирургической и Духовной академий не лишила белорусский регион инфраструктуры высшего образования полностью. Идеи О. Сенковского в необходимости развития профессионального образования нашли реализацию с образованием земледельческих учебных учреждений в Горках Могилевской губернии и института на их основе [18]. Однако статус высшего учебного заведения был потерян по итогам антиправительственного восстания 1863 г. Спустя двадцать лет вопрос о восстановлении статуса высшего учебного заведения для сельскохозяйственных училищ в Горках снова рассматривался правительством, однако положительное решение не было принято, в том числе и по описанным выше причинам [19].

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. местными элитами и представителями имперских элит предлагались разные варианты учреждения высшего заведения в белорусских губерниях, однако все они оказались не реализованы по разным причинам. На наш взгляд, главным препятствием был недостаток необходимых ресурсов у правительства при отсутствии желания местных элит участвовать в финансировании данных проектов в значительных объемах, а также в возможности выполнить запрос на подготовку определенных специалистов за счет обучения в уже имеющихся в империи учреждениях образования. Так, проект уроженца белорусских земель, профессора столичной духовной академии О. Кояловича об открытии Духовной академии в белорусских губерниях не был поддержан правительством [20, с. 118].

В конце XIX – начале XX в. развитие экономики региона еще более обозначило потребность в высшем учебном заведении, а наибольшую заинтересованность в высшем профессиональном образовании демонстрировали представители местной буржуазии. Вопрос о высшем учебном заведении поднимался в прессе, дебатировался на сельскохозяйственных съездах и в органах местного самоуправления. Значительную часть расходов предлагалось покрыть из местных фондов, в том числе из пожертвований от городов, земств, предлагались самообложение, благотворительные взносы и другие варианты. Городские думы Витебска

и Минска предлагали выделить для университетских зданий земельные участки и назначить значительные денежные субсидии [9, с. 218–223]. Однако теперь правительство не спешило с одобрением проекта учреждения университета в белорусских губерниях, поскольку российские университеты в целом, вне зависимости от места своего расположения, стали мощными центрами оппозиции и рассчитывать на продвижение российского влияния в регионе через университет уже не представлялось легко осуществимым делом. Так, после революционных событий января 1906 г., в которых активно участвовали студенты, в ряде университетов в империи по решению правительства были прекращены занятия на год, а университет в Варшаве был закрыт на три года.

В 1910 г. в Витебске по инициативе членов Витебской губернской ученой архивной комиссии было основано отделение частного высшего учебного заведения – Московского археологического института. Данное учреждение имело достаточно утилитарные цели – подготовка работников архивов, археологов, и поэтому оно не давало полное высшее образование, а только на первой ступени [21]. Данный пример частной инициативы местных элит также необходимо рассмотреть более детально. Витебская губернская ученая архивная комиссия представляла собой научное историческое общество, среди его основателей и членов были видные «западноруссы» либерального толка А. Сапунов, Е. Романов, Е. Карский, также среди членов общества были чиновники губернского аппарата, не имевшие белорусского происхождения [22].

Таким образом, на исходе «долгого XIX века» в белорусском регионе начала формироваться инфраструктура высшего образования. Однако в этом деле он значительно отстал даже от соседних украинских земель, которые имели пять университетов – три на российской части (в Харькове, Киеве и Одессе) и два на австро-венгерской части (во Львове и Черновцах). Наличие высших учебных заведений позволило сформировать украинский политический проект раньше белорусского и сделать его более узнаваемым в рамках имперского пространства, а в перспективе – успешным в реализации конечных целей [14, с. 66–69; 15, с. 195]. Что же касается образовательных проектов с белорусским национальным содержанием, то они появились только в условиях Первой мировой войны и только в рамках начального и среднего образования, реализовывались Белорусским обществом по оказанию помощи пострадавшим от войны.

Список использованных источников

1. Шимукович, С. Ф. К вопросу об идентичностях элит белорусских земель в период «долгого XIX века»: проблема концептуализации / С. Ф. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2019. – Вып. 2. – С. 167–176.
2. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1870 года / Э. Хобсбаум; пер. с англ. А. А. Васильев. – СПб.: Алетейя, 2017. – 308 с.
3. Управление проектами. Основы проектного управления: учебник / колл. авт.; под ред. проф. М. Л. Разу. – 4-е изд. стер. – М.: КноРус, 2015. – 756 с.
4. Вітан-Дубейкоўская, У. Мае ўспаміны / У. Вітан-Дубейкоўская. – Vilnius: Gudų Kultūros Draugija Lietuvoje, 1994. – 192 s.
5. Войнилович, Э. Воспоминания / Э. Войнилович; пер. с пол., ред. В. Завальнюк. – Минск, 2007. – 380 с.
6. «Всеподданнейший отчет...» виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского Николаю II [Текст] / М. Біч, В. Пічукоў // Беларускі гістарычны часопіс. – Мінск, 1997. – № 2. – С. 94–116.
7. Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas (далее – LVIA). – F. 567. Ap. 2. Bb. 2255. – Дело об инспектировании белорусских учебных заведений профессором Сенковским, 1827 г.
8. Погодин, А. Виленский учебный округ 1803–1831 гг. / А. Погодин // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. – СПб.: Изд-во МНП, 1902. – Т. 4, вып. 1. – С. 1–СXXXIII.
9. Пічэта, У. Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым / У. Пічэта // АРСНЕ Пачатак. – 2014. – № 9. – С. 202–226.
10. Макарэвіч, В. Шляхта Беларусі XIX ст. у святле беларускасці / В. Макарэвіч // АСТА ALBARUTHENICA: навук.-тэарэт. час. – 2003. – № 3. – С. 82–85.
11. Мосолов, А. Виленские очерки (1863–1865 гг.) (Из воспоминаний очевидца) / А. Мосолов // Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском / сост., предисл. и коммент. С. В. Лебеев; отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. – С. 242–329.
12. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 3157. Оп. 1. Д. 161. – Дело об открытии лица в Орше, 1831–1834 гг.
13. Павленко, О. В. Йиржи Коржалка: новый взгляд на процессы формирования наций в Центральной Европе / О. В. Павленко // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции / отв. ред. А. И. Миллер. – М.: РАН: Ин-т славяноведения и балканистики, 1994. – С. 94–111.
14. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX стст. / Р. Лінднэр; пер. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіча. – 2-е выд. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2005. – 540 с.

15. *Терешкович, П. В.* Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. – Минск: БГУ, 2004. – 223 с.

16. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края: в 2 ч. – Вильна, 1913–1915. – Ч. 1: Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 по май 1863 г. / сост. А. И. Миловидов. – 1913. – LXVI, 464 с.

17. Журналы Комитета Западных губерний / изд. подгот. Т. В. Андреева [и др.]. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. – Т. 1: 1831–1835 гг. – 848 с.

18. НИАБ. – Ф. 2259. Оп. 1. Д. 24. – Дело о торжественном открытии Горыгорецкой земледельческой школы 15 августа 1840 года, 1840–1841 гг.

19. НИАБ. – Ф. 2260. Оп. 1. Д. 296. – Дело о предположении открытия в Горках высшего сельскохозяйственного заведения, 1887–1892 гг.

20. *Кузьма, Д. І.* Практы першых беларускіх універсітэтаў: М. В. Каяловіч і праблема арганізацыі праваслаўнай вышэйшай навучальнай установы ў Беларусі ў другой палове XIX стагоддзя / Д. І. Кузьма // Беларуская думка. – 2010. – № 6. – С. 116–120.

21. НИАБ. – Ф. 2771. Оп. 1. Д. 160. – Дело об открытии в Витебске отделения Московского археологического института и о сооружении памятника Отечественной войны 1812 года, 1–8 декабря 1911 г.

22. НИАБ. – Ф. 2771. Оп. 1. Д. 153. – Список членов Витебской ученой архивной комиссии, 1910 г.

(Дата поступления: 04.12.2020).